

Прозвища-присловья в русском фольклоре

Сложен и своеобразен смеховой мир русского фольклора. Прозвища-присловья составляют значительный пласт в народно-поэтическом творчестве русского народа.

Еще В. И. Даль обратил внимание на своеобразие этого явления. В статье «Напутное», предваряющей сборник «Пословицы русского народа», он кратко описал отличительные черты присловий, их функции и композиционную структуру¹.

В одном из очерков известного уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка мы встречаем целое скопление прозвищ-присловий, что говорит об их активном распространении среди уральского населения: «Счастливым случаем позволил мне быть на могиле О. Антония в самый день поминовения его памяти, когда в глушь Уральских гор стеклось несколько тысяч раскольников, не приемлящих священства. Были тут и висимцы-кокурочки (прозвище раскольников Висимо-Шайтанского завода), и черновляне-обушники (жители Черноисточинского завода, которые известны тем, что слишком часто пускали в дело обух топора), и долгоспинники из Малых и Больших Галашек (между заводами Висимо-Шайтанским и Висимо-Уткинским; славятся, как «закоснелые» раскольники), и тагильцы ершееды, и старозаводские раскольники (из Невьянского завода), и разный пришлый народ с других уральских заводов — Верхневинского, Ревдинского, Каменского и Верх-Исетского»².

Д. К. Зеленин в работе «Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии» не только рассмотрел присловья наравне с пословицами, песнями, сказками как один из видов устного народного творчества, определил их назначение и своеобразие, но и обосновал необходимость собирания и изучения произведений этого жанра: «Как произведения народного гения они характеризуют нам народное мирозерцание, раскрывают душу народа... Исследование присловий... может пролить свет на культурную историю народа, на его отношение к соседям и т. п.

Во-вторых, присловья являются голосом народа о самом себе (и своих соседях). В этом отношении присловья особенно интересны для этнографа... Наконец, если к присловьям присоединить народные пословицы и поговорки географического содержания, тогда мы получим представление о сумме географических сведений народа»³.

¹ См.: Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957, с. 21.

² Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. М., 1947, с. 73—74.

³ Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии. Вятка, 1904, с. 5—7.

Некоторые отличительные черты прозвищ-присловий были отмечены В. П. Бирюковым, он указал и на невозможность в ряде случаев дать толкование прозвищ, материальная основа которых исчезла: «От старого времени до нас дошло множество людских прозвищ как личных, так и коллективных. В них закреплена та или иная черта жителей данных деревни, села, города, уезда, губернии и даже целого края.

Теперь, с изменением условий социальной жизни, старые черты давно уже исчезли, а прозвища остались и сейчас вспоминаются лишь как дружеская шутка... К сожалению, далеко не всегда можно получить объяснение причин возникновения данного прозвища. В этих случаях перед любителями-краеведами стоит задача сделать изыскания из истории прозвищ, а вместе с этим из истории того или иного населенного места, района, края»⁴.

В. П. Бирюков продолжил исследования в статье «Уличное имя»⁵. В результате проведенных географических и этнографических разысканий ученому удалось прояснить значение многих прозвищ уральских жителей и выявить условия и причины возникновения «уличных имен». Эти ценные указания известных фольклористов весьма помогли нам в работе над данной статьей, являющейся попыткой наметить историческую традицию прозвищ, рассмотреть их жанровые особенности, эстетическую и социальную природу.

Мы рассмотрим прозвища, относящиеся к коллективу или группе лиц. Наиболее полное определение подобных прозвищ дано В. И. Далем, который назвал их присловьями: «Присловье весьма близко к прозвищу, но относится не к лицу, а к целой местности, коей жителей дразнят, бранят или чествуют приложенным к ним присловьем»⁶.

Мы несколько расширим это определение, включив в состав коллективных прозвищ и характеристики социально-профессиональных слоев русского народа.

В. И. Даль подчеркивал подвижность границы между присловьями и пословицами и отмечал, что в ряде случаев присловья могут употребляться в значении пословиц: «Ты чей, молодец? — Зубчевский купец. — А где был? — В Москве, по миру ходил». Присловье уже весьма близко к пословице»⁷.

Даль характеризует природу пословиц и поговорок, их сходство и отличие: «Пословица... суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности. Пословица — обиняк, с приложением к делу, понятий и принятый всеми... Поговорка — окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но

⁴ Бирюков В. П. Урал в его живом слове. Свердловск, 1953, с. 200—201.

⁵ См.: Бирюков В. П. Уличное имя. — Урал. следопыт, 1961, № 2, с. 36—38.

⁶ Даль В. И. Пословицы..., с. 21.

⁷ Там же.

без притчи, без суждения, заключения, применения: это одна первая половина пословицы»⁸.

Эти положения развивают современные исследователи: «Пословица — краткое образное суждение, имеющее переносный смысл и применяемое к различным случаям жизни. В пословице мысль выражается полно; это — законченное суждение, возникающее как итог наблюдений, как обобщение опыта, как формулировка взглядов человека на то или другое явление... Поговорка может быть определена как оборот речи, образное выражение, элемент суждения или меткой характеристики человека, его действий, поступков, характеристики общественной жизни, явлений природы, мысль поговоркой выражается неполно...»⁹

Таким образом, опираясь на эти высказывания, можно выделить три основных свойства пословиц-поговорок, а одновременно и требования, которые предъявляются к ним: образность, краткость, наличие переносного смысла.

Нашей задачей на первом этапе анализа отдельных прозвищ-присловий будет выяснение того, насколько отвечают рассматриваемые прозвища этим требованиям, а соответственно — насколько близко стоят присловья к пословицам, поговоркам.

Вопрос об образной природе прозвищ-присловий неразрывно связан с вопросом об образных возможностях русского языка. Проблема «слово-образ» была затронута еще известным русским фольклористом А. Н. Афанасьевым в исследовании «Поэтические воззрения славян на природу». Утверждая образную стихию русского языка, образную природу слова, он писал: «Всякий язык начинается с образования корней или тех основных звуков, в которых первобытный человек обозначал свои впечатления, производимые на него предметами и явлениями природы; такие корни, представляющие собою безразличное начало и для имени и для глагола, выражали не более, как признаки качества, общие для многих предметов и поэтому удобно прилагаемы для обозначения каждого из них. Возникавшее понятие пластически обрисовывалось словом, как верным и метким эпитетом. Такое прямое, непосредственное отношение к звукам языка и после долго живет в массах простого, необразованного населения. Еще до сих пор в наших областных наречиях и в памятниках устной народной словесности слышится та образность выражений, которая показывает, что слово для простолюдина не всегда есть только знак, указывающий на известное понятие, но что в то же время оно живописует самые характеристические оттенки предмета и яркие, картинные особенности явления...»¹⁰

⁸ Даль В. И. Пословицы..., с. 18, 20.

⁹ Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959, с. 310.

¹⁰ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1861, с. 5.

Советский биограф В. И. Даля и исследователь его творчества В. Порудоминский, отмечая близость взглядов Даля на лексику русского языка к народному пониманию слова, пишет: «Бывалость» Даля сплавляла для него воедино слово и образ, за ним стоящий... Это ощутимо и в словаре: за словом непостижимо встает образ, картина народной жизни, люди, создавшие слово, метку, пускающие его в дело. Тут слово тесно связано с взглядами народа, его пониманием вещей, его философией»¹¹. Глубокие мысли высказывает С. Аверинцев, занимающийся анализом влияния эллинистической традиции на русский язык. Он связывает с греческим влиянием тот факт, что славяне восприняли веру в вещественность, субстанциальность слова, которое не просто звук и знак, но и живая плоть. Исследователь указывает на такую черту эстетики языка, как бивалентность слова: «...в имманентную эстетику языка необходимо входит еще нечто, но это «нечто» куда легче почувствовать, чем осознать и описать «это» неразличимое единство «хитрости» и «мудрости», игры и глубины»¹².

Таким образом, слова, выполняя свое основное назначение — передавать мысли, быть средством общения, несут еще и эстетическую функцию — они содержат образ, который рождает определенное представление, эмоциональное по своей природе.

На эти образные возможности живого русского языка и описываются прозвища.

Из наличия образности в прозвищах вытекает возможность их генетической классификации на основе выявления того образа, который стоит за данной группой прозвищ: образ-личность, образ-событие, образ-одежда, образ-манера поведения и т. д. Классификация позволяет уточнить вопрос об образности прозвищ. Очевидно, не использованы полностью образные возможности языка в таких прозвищах, как *рузцы-дровосеки*, *куряки*, *тверские* и подобных им. Но сколько ярких, неожиданных, а потому и запоминающихся образов встречаем мы в лучших образцах прозвищного творчества народа: *долгопузики*, *шилокопы*, *векшееды*.

Такая неодинаковая «образная нагруженность» прозвищ объясняется комплексом причин. Большую роль, вероятно, играет их функциональная направленность. Ниже мы попытаемся дать эстетическую классификацию прозвищ (по функциям, которые они выполняют). Здесь же выскажем следующее предположение: по-видимому, те прозвища, которые создавались с чисто информативной целью (сообщают о наличии какого-либо качества, свойства события, явления), несут в себе минимальную образность, в них над художественной задачей (создать образ)

¹¹ Порудоминский В. «По работе и мастера знать»: К 175-летию со дня рождения В. И. Даля. — Лит. газ., 1976, 24 нояб., с. 4.

¹² Аверинцев С. Славянское слово и традиция эллинизма. — Вopr. лит., 1976, № 11, с. 159.

преобладает практическая (сообщить сведения). Это такие прозвища, которые содержат сведения, дают знания о том, из какой местности вышли жители деревни, города, заводского поселка: *могули* — жители д. Ольховки Сивинского района Пермской области, выходцы из Могилевской губернии¹³; *рязанцы* — жители с. Коровье Мишкинского района Курганской области, выходцы из Рязанской губернии¹⁴.

Вопрос об образности прозвищ-присловий не будет решен, если мы не учтем самый главный фактор — живое их бытование. Только наблюдения над процессом живого бытования позволяют выявить эмоциональную окраску прозвища и ту внутреннюю интонацию, которая сопровождает прозвище в каждом конкретном случае. Один и тот же образ, содержащийся в прозвище-присловии, может вызвать не одинаковые по своей эмоциональной природе представления в зависимости от того, с какой интонацией было произнесено прозвище.

Широко известно прозвище жителей Вятки *толоконники* (объясняется особой любовью вятчан к толокну)¹⁵. Взятое вне эмоциональной разговорной речи оно не может быть отнесено в разряд уничижительных или презрительных, но в процессе живого бытования такое прозвище в ряде случаев получает отрицательную окраску:

«Приехал в Казань из Вятки извозчик Ерема Сухопарый. На постоялом дворе он поймал за рога козу и давай ее «драть арапником». Коза мечется, ревет, а Ерема знай ее дерет. Увидел это дворник и говорит:

«Ты что, толокно, делаешь? Ведь коза-то хозяйска!»

«А мне ще? — отвечает Ерема. — Она у меня в Котельнице овес съела».

«Ах ты, толокно бестолковое, — горячится дворник, — да ведь коза-то у нас доморощенная, как она могла быть в вашем Котельнице, слепород?»

«Да эта, чуешь, самая и была: и рога и борода экие же... эта самая пучеглазая... а овес дорогой».

«Вот доложу хозяину — не разделаешься!»

«А мне ще ваш хозяин!» — сказал, отпрягая лошадь, Ерема.

«Толокно!» — обругал дворник и ушел, за ним утряслась и вспоротая коза»¹⁶.

Нельзя забывать и о пространственно-временных границах бытования прозвищ-присловий. Так, смысл прозвища *корчажники*¹⁷ жителей д. Ванюши Красноармейского района Челябинской области понятен только жителям окрестных поселений, которые знали, что это прозвище возникло потому, что рыбаки

¹³ См.: Бирюков В. П. Уличное имя, с. 36.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Зеленин Д. Народные присловья..., с. 26.

¹⁶ Зеленин Д. Народные присловья..., с. 41.

¹⁷ См.: Бирюков В. П. Уличное имя, с. 37.

Ванюши ловили рыбу в озерах при помощи корчаг. Вполне возможно, что в период возникновения это прозвище имело оттенок восхищения, удивления смекалкой жителей, но потом с течением времени, с развитием приемов и техники рыбных промыслов прозвище стало звучать как синоним отсталости от жизни и приобросло отрицательный смысл. Все, изложенное выше, лишь предположение о возможной эмоциональной окраске прозвищ, так как не всегда можно изучать их в процессе живого бытования и устанавливать точный интонационный смысл. В таких случаях может оказаться полезным знание истории происхождения прозвища.

Например, прозвище *каслинцы-масленцы*¹⁸, которое кажется на первый взгляд обычной рифмованной фразой, имеет большой смысл, передает скорбь и восхищение народа, является обобщением значительного в жизни трудового народа события: «В XVIII столетии к Каслинскому заводу для работы были приписаны крестьяне Камышловского и Шадринского уездов. В самом начале 1760-х гг. приписные взбунтовались и не пошли работать. Начальство, подкупленное хозяином завода Демидовым, двинуло против восставших воинскую силу и даже с пушкой. «Бунтовщики», отступая, заперлись в Масленском остроге (крепостце) — теперь это село Масленское, Шадринского района. Но плетью обуха не перешибешь — крепостца была разгромлена, восставших жестоко наказали и тех, кто остался в живых, отправили обратно, по своим заводам»¹⁹. Так в двух словах прозвища отразилось горе народа и его память о героических страницах своей истории.

В связи с рассматриваемой проблемой можно затронуть вопрос о «блуждающих прозвищах»²⁰ — это очень интересное явление в истории прозвищ. Так, в Златоусте никогда не садили горчицу, а прозвище *горчичники* бытовало активно. Это объясняется тем, что в Златоусте жили выходцы из Самарской губернии, где горчица — культура издавна знакомая (в сборнике Даля помещено даже присловье — *самарцы-горчичники*)²¹.

Эти примеры подтверждают необходимость изучения возникновения и бытования каждого прозвища в неразрывной связи с историей русского народа. Связь эта двусторонняя: не только исторические данные о жизни народа помогают лучше понять художественный смысл прозвищ, их эмоциональный колорит, но и наоборот — часто прозвища дают ценный материал для изучения истории. Уральский фольклорист В. П. Бирюков писал: «Собирая материал для истории заселения Урала, я нередко обращался к коллективным прозвищам. И они иногда от-

¹⁸ См.: Бирюков В. П. Уличное имя, с. 37.

¹⁹ Там же, с. 38.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Даль В. И. Пословицы..., с. 338.

крывали мне то, что трудно, а порой и невозможно уже было найти в исторических трудах и в архивных документах»²².

Итак, образность — одно из главных качеств пословиц и поговорок — присуща и прозвищам-присловьям. Основное в образном мышлении — способность передавать общее через единичное. Именно с этой способностью связан вопрос о критериях эстетической ценности прозвищ. Естественно, не все прозвища представляют одинаковую ценность для культуры русского народа. Одни прозвища прожили долгую жизнь и продолжают свое бытование, другие — забыты и вряд ли когда-нибудь воскреснут. Очевидно, идейно-эстетическая значимость прозвищ определяется несколькими факторами, действующими на разных уровнях творческого процесса создания присловий. На уровне отбора материала из реальной действительности большое значение имеет характер и степень типизации: интересное, запоминающееся прозвище появляется лишь в том случае, если отобранный материал представляет собой основное свойство, признак наблюдаемого явления. На уровне непосредственного создания прозвища-присловья главным становится поиск слова, которое верно и точно обозначит отобранный жизненный материал. Краткость также является показателем художественной ценности присловий.

Красноречивое прозвище *гужееды* дает более яркую и объемную картину бедственного положения русского крестьянства, чем пространное описание. Прозвище, которое получили рабочие дореволюционных металлургических заводов Среднего Урала, — *жженопятики*²³ — содержит указания и на профессию литейщиков и на полное безразличие заводского начальства к здоровью рабочих, а в целом достоверно показывает положение рабочего класса в царской России.

Д. К. Зеленин писал, что присловье может быть выражено рассказом, в этом случае «присловье сливается с народным анекдотом, сохраняя лишь свой главный отличительный признак: тесную связь с какой-либо географической или этнографической единицей»²⁴.

Но так как рядом с анекдотами в русском фольклоре существуют и отдельные прозвища-присловья, передающие в одном-двух словах смысл, соль этих анекдотов, то, на наш взгляд, более правильным будет утверждение, что рассказы-анекдоты послужили материалом для создания многих присловий.

Так, прозвище *гоголи* (относится к котелянам, жителям Вятской губернии) возникло на основе следующего анекдота: «Котеляне увидали плывущую по реке Вятке в весеннюю поводь лесную колоду и, сочтя ее за какое-то чудище, стали молиться:

²² Бирюков В. П. Уличное имя, с. 36.

²³ См.: Бирюков В. П. Урал в его живом слове, с. 50—51.

²⁴ Зеленин Д. К. Народные присловья..., с. 4.

«Матушка гоголя, спаси нашу Котельницу, отнеси на полу мельницу»²⁵.

В сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки» приведен цикл шуточных рассказов, в которых подмечаются смешные стороны быта и привычки соседей. Один из рассказов заставляет вспомнить о прозвище *растягаи*.

«Зыряне смеются над устыцyleмaми: встречаются два устыцyleмa и начинается разговор:

— Парфентей, а Парфент-е-й!

— Чего-о?

— Куда поеха-ал?

— В Пинегу-у.

— Пошто-ле-е?

— На база-ар.

— Купи мне икону-у.

— Какую-ю?

— А Миколу-у.

— Большую-ле-е?

— С банну две-ерь».

Рассказчик намеренно растягивает слова на концах, передразнивая устыцyleмов, которые говорят очень певуче»²⁶.

Возможно, прозвище *растягаи* (так звали, например, жителей с. Куштумги Миасского района Челябинской области за их привычку произносить протяжно окончания фраз) возникло на основе подобного анекдота²⁷.

Процессы такого рода говорят об умении народа не только наблюдать и обобщать явления действительности, но и извлекать суть, зерно из сюжетного повествования-обобщения и сообщать ему краткую, но емкую по содержанию форму прозвища.

Таким образом, краткость — второе из основных свойств пословиц и поговорок — в полной мере присуща и присловьям.

Более сложным является вопрос о наличии в прозвищах-присловьях смысла, применимого к кругу различных, но в чем-то одним сходных между собой явлений. Прозвища чаще всего не обладают этим свойством, характерным для пословиц и поговорок. Они способны отразить только одно какое-либо явление, событие, качество, но это явление, событие, качество продолжается во времени: *луговцы-разносчики, кушали-частобаи*²⁸.

Художественный пословично-поговорочный образ воспринимается преимущественно в связи с настоящим, а не с породившей его исторической действительностью — это обусловлено повторяемостью жизненных явлений, типологичностью самой дейст-

²⁵ Зеленин Д. К. Народные присловья..., с. 22.

²⁶ Ончуков Н. Е. Северные сказки (Архангельской и Олонецкой губерний). СПб., 1908, с. 75—76.

²⁷ См.: Бирюков В. П. Урал в его живом слове, с. 202—203.

²⁸ См.: Даль В. И. Пословицы..., с. 331—333.

вительности. А художественный образ в прозвищах часто оказывается связанным с историей народа. Это качество прозвищ и обуславливает их отличие от пословиц и поговорок.

Таким образом, можно сказать, что, хотя краткость и образность сближают прозвища-присловья с жанром пословиц и поговорок, отождествлять их нельзя.

Обладают прозвища-присловья и особым, только им присущим свойством, на которое указал Д. К. Зеленин: «Изучая великорусские присловья, мы прежде всего замечаем, что одно и то же присловье нередко применяется к нескольким этнографическим группам. Так, толоконниками помимо наших вятчан называют еще: вологодцев (Сахаров, Даль), костромских галичан и пешехонцев (Даль)»²⁹.

Русский фольклор располагает множеством подобных примеров: *водохлебы* — боровичане, каслинцы, новгородцы; *ершееды* — псковичи, осташи, селигерцы; *сычужники* — селигерцы, ельчане; *луковники* — боровичане, арзамасцы, старгородцы³⁰. Этот перечень можно продолжить. Такое свойство некоторых прозвищ — возможность применения к нескольким этнографическим группам — объясняется, вероятно, наличием похожих случаев в жизни разных народов, сходством в характере, во вкусах, в общем облике разных коллективов людей. Но надо учитывать и тот факт, что прозвища-присловья — это произведения устного народного творчества, имеющие специфические причины возникновения и бытования.

Думается, что в таких случаях вступает в свою роль фольклорная традиция. Желая отразить в прозвище-присловье какую-либо черту жителей того или иного населенного пункта, народ обращается к прозвищной традиции и находит краткое, меткое и смешное обозначение этого качества в виде устойчивой формулы, относящейся к определенному населенному пункту, но вполне применимой и к другим этнографическим группам. Так возникают одинаковые прозвища у жителей разных городов.

Характер всякого фольклорного произведения определяется функциями, которые данное произведение призвано выполнять. Поэтому, чтобы лучше узнать прозвищное творчество, надо выявить цели, которые преследовал русский народ, создавая эти произведения. Уже первоначальные наблюдения над текстами позволяют говорить о полифункциональности прозвищ. Еще В. И. Даль указал на три функции присловий — «дразнят... бранят... чествуют»³¹.

Мы попытаемся дать более подробную функциональную классификацию прозвищ. Причем необходимо учитывать, что предметом классификации являлись не речения в их живом

²⁹ Зеленин Д. К. Народные присловья..., с. 44.

³⁰ См.: Даль В. И. Пословицы..., с. 332—340.

³¹ Там же, с. 21.

бытовании, а только тексты речений, которые, естественно, не могли дать представления об интонациях, эмоциях, с которыми произносились прозвища. Поэтому приведенная ниже классификация является в известном смысле неполной, не принимающей во внимание эмоциональный тон присловий.

На основе анализа текстов были выявлены три функции прозвищ:

1. Прославления, возвеличивания человека, умеющего хорошо работать и весело отдыхать: ярославцы — *песенники*, *запевалы*; осташи — *золотошвеи*; кушалинские крестьянки — *тонкопряхи* ³².

2. Функция констатации, утверждения. Прозвища констатируют наличие того или иного качества, свойства, ситуацию: осташи — *сапожники*, архангельцы — *кровельщики* ³³; жители д. Худяково Лопатинского района Курганской области, выходцы из Смоленской губернии — *смоляки* ³⁴.

3. Смеховая, свойственная большей части прозвищных речений, связана с различными оттенками смеха. Вызывать смех — одно из назначений прозвищ, являвшихся составной частью народной смеховой культуры.

Но смех не бывает однообразным. Он вызывается разными причинами и направлен на разные объекты, а соответственно, имеет разные виды. Мы попытаемся выделить различные группы прозвищ в зависимости от того типа смеха, который они порождают:

1. Прозвища, вызывающие добрый смех (по определению В. Я. Проппа): «Может оказаться, например, что недостатки настолько ничтожны, что они вызывают у нас не смех, а улыбку. Такой недостаток может оказаться свойственным человеку, которого мы очень любим и ценим, к которому мы испытываем симпатию. На общем фоне положительной оценки и одобрения маленький недостаток не только не вызывает осуждения, но может еще усилить наше чувство любви и симпатии. Таким людям мы охотно прощаем их недостатки. Такова психологическая основа доброго смеха... В отличие от элементов сарказма и злорадства, присущих насмешливому смеху, мы здесь имеем легкий и безобидный юмор» ³⁵.

В качестве примеров можно привести такие прозвищные выражения: *уломский гвоздь* (Новгородская губерния, с. Улома, где все кузнецы-гвоздари); *старичане* — петуха встречали с хлебом-солью; *зубчане* — таракана на канате на Волгу поить водили; *зубчане-волочане* приходили к нам (ржевцам) за щами, мы щей не дали, взащей прогнали; *ростовцы* — родимое озеро

³² См.: *Даль В. И. Пословицы...*, с. 333—334.

³³ См.: Там же, с. 333, 338.

³⁴ См.: *Бирюков В. П. Уличное имя*, с. 36.

³⁵ *Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976, с. 125—126.*

соломой зажигали (солому с кровель снимали, чтоб растопить лед на озере для рыболовства); *любимцы* — козу пряником кормили; Астрахань арбузами, а мы *голопузами* (славны) ³⁶. Прозвища эти можно назвать смешинками. По-видимому, некоторые из них возникли из анекдотов.

2. Прозвища, вызывающие смех, связанный с какими-либо не очень серьезными недостатками или отклонениями от общепринятой нормы. Чаще всего смех подобного типа рождается прозвищами, отмечающими необычную, противоречащую традиционным представлениям манеру соседей говорить, одеваться, питаться.

Эти прозвища не являются средством выражения презрения к высмеиваемым, но некоторая доля чувства собственного превосходства над объектом насмешки в них содержится.

3. Прозвища, вызывающие уничижительный смех, он возникает в том случае, когда недостатки, на которые указывает прозвище, являются серьезными пороками с точки зрения народа — лень, жадность, воровство: сыщи в Лыскове не *пьяницу*, не *мошенника*, а в Юркине не *разбойника*; слобожане — *жидокопы* (слобожанин откопал труп жида, полагая, что жидов хоронят с деньгами); хлыновские — *воры*; ленив, как *клепенский мужик* ³⁷.

Прозвища, высмеивающие людей различных национальностей, как правило, не имеют злобного характера и могут быть отнесены к группе прозвищ, о которых шла речь выше. Но среди шуточных прозвищ встречались и презрительные, высмеивающие другой народ: *жид свиное ухо съел*; *грек скажет правду однажды в год*; *татарин-свиное ухо* ³⁸.

В. И. Чичеров, отмечая противоречивость материала, вошедшего в сборник пословиц В. И. Даля, писал: «Иной раз противоречивость ясно свидетельствует о сознательно проводимом длительном воздействии господствующих классов на сознание народных масс. Так, например, в результате этого воздействия проникали в народное сознание националистические тенденции...

Среди шуточных присловий и дразнилок встречается также чуждое, враждебное сознанию масс, презрительное высмеивание того или другого народа. Подобные пословицы, не характерные для народного репертуара, засоряющие его, могли жить и жили в силу ограниченности и противоречивости сознания народа, в силу того, что идеология господствующего класса была господствующей идеологией и оказывала воздействие на трудящийся народ» ³⁹.

³⁶ См.: *Даль В. И. Пословицы...*, с. 332—335, 343.

³⁷ См.: Там же, с. 336, 340, 344.

³⁸ См.: Там же, с. 348, 344.

³⁹ *Чичеров В. И. Сборник Вл. Даля «Пословицы русского народа».* — В кн.: *Даль В. Пословицы русского народа*, с. 20—21.

Но, как отмечает этот же исследователь, народ нередко вносил чуждые господствующему классу толкования даже в прозвища такого типа⁴⁰. Наиболее яркий пример — переосмысление высказываний о *москалях*. Это прозвище приобрело не национальное, а социальное звучание и выражало точку зрения всего трудового народа на эксплуататорский класс: «С москалем дружись, да на ногах держись»; «Кто идет? — Черти. — Ладно, лишь бы не москаль»⁴¹.

Этот факт подметил еще В. И. Даль — часть присловий о москалях он включил в своем сборнике в раздел «Звания-слова».

Возникает вопрос об особенностях бытования прозвищ в разных социально-профессиональных слоях России. Господствующие классы, стремясь разобщить народ, подогревали областной антагонизм. Н. С. Лесков писал, что у помещиков его времени простые люди делились на «два народа»: «народ орловский» и «народ курский». «Орловский народ» считали «пошельмоватее», а курян — «подурасливее»⁴².

Обращая внимание на особенности бытования произведений о прозвищах среди простого народа, Д. Молдавский пишет: «...еще в феодальную эпоху сказки о различных соседних племенах, народах, наконец, просто о соседних селянах имели широкое распространение. Уже тогда предметом сатиры являлись не племенные или национальные черты, а черты социальные, как это всегда бывает в устно-поэтическом творчестве. Все эти сказочные «пошехонцы», «вятичи», «псковичи», в действительности, разумеется, ничего общего не имеющие с трудовым народом Ярославщины, Псковщины и проч., прежде всего рисуются людьми, чуждыми труду, не умеющими обращаться ни с серпом, ни с топором, ни с другими орудиями труда, что свойственно представителям господствующих классов»⁴³.

Эта мысль верно подмечает одну из основных тенденций развития народного творчества, но полностью согласиться с ней, как нам кажется, нельзя. Ведь принимая во внимание только социальную установку, можно забыть о таких важных факторах истории русского народа, как совместное проживание многих народностей на территории России, их сотрудничество и интерес друг к другу, в результате чего и появлялись произведения, подмечающие характерные, наиболее яркие черты той или иной этнографической группы.

Вопрос о малых прозвищных жанрах, имеющих социальную направленность, связан с четвертым видом смеха.

4. Прозвища, вызывающие «горький смех». Смех такого рода

⁴⁰ См.: Чичеров В. И. Сборник Вл. Даля..., с. 20—21.

⁴¹ Там же, с. 711.

⁴² См.: Лесков Н. С. Полн. собр. соч. СПб., 1897, т. 12, с. 158.

⁴³ Молдавский Д. Комментарий. — В кн.: Русская сатирическая сказка. М.; Л., 1955, с. 253.

мы встречаем в прозвищах, широко распространенных среди рабочих, чей социальный опыт и кругозор был более богатым и широким, чем у крестьянского населения России: *бесшлейные* — крестьяне и рабочие-сезонники из Уфимского уезда, настолько до революции бедные, что ездили на лошадях, не употребляя шлей ⁴⁴; *синепупые, самовары* — рабочие Невьянского района, прозванные так за вспученность живота от болезней и ненормального питания; *шматы* — бакальские горняки, прозванные за их обувь — шматы (стоптанные лапти) ⁴⁵.

Если собрать воедино подобные прозвища, то получится безотрадная картина жизни народа. Но оптимизм русских людей, их вера в лучшее будущее были настолько велики, что даже такие ужасные явления порождали смех и шутку. Смех этот, правда, необычен тем, что за ним скрыт особый род социального протеста народа против эксплуататоров, превращающих людей в «синепупых», «шматов», «гужеедов».

Существует более широкая функция прозвищ, интегрирующая три основные функции, — это утверждение какого-либо явления, предмета, качества, свойства, признака.

Утверждение происходит и при прославлении какого-либо объекта и при констатации его наличия.

Особого внимания требует утверждение, которое сопутствует смеховой функции. Казалось бы, что смех нарушает все привычные связи, оглупляет явления, выставляет их на суд, а следовательно, не может ничего утверждать.

«Но смех имеет и некое созидательное начало... Разрушая, он строит и нечто свое: мир нарушенных отношений, мир нелепостей, логически не оправданных соотношений, мир свободы от условностей, а потому в какой-то мере желанный и беспечный...

Смех в своей сфере восстанавливает нарушенные в другой сфере контакты между людьми, так как смеющиеся это своего рода «заговорщики», видящие и понимающие что-то такое, чего они не видели до этого или чего не видят другие» ⁴⁶.

Таким образом, именно в процессе высмеивания, уничижения, даже отрицания какого-либо объекта посредством прозвищ создается основа и объединяются силы для утверждения более справедливых, соответствующих идеалу народа отношений, качеств, свойств, явлений.

Подведем некоторые итоги наших наблюдений над прозвищами-присловьями.

1. Прозвища-присловья близки пословицам и поговоркам своей образностью и краткостью, но не могут быть отождест-

⁴⁴ См.: Бирюков В. П. Урал в его живом слове, с. 201.

⁴⁵ См.: Бирюков В. П. Уличное имя, с. 38.

⁴⁶ Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, с. 3—4.

вляемы с ними, так как отличны по функциональной направленности и поэтике. Прозвища-присловья составляют отдельное жанровое образование в русском фольклоре, имеют свою традицию и обладают специфическим свойством: одно прозвище может называть разные этнографические группы.

2. Генетическая природа прозвищ-присловий определяется на основе:

- а) истории возникновения и бытования прозвищ-присловий;
- б) их функциональной направленности;
- в) оценочно-эмоциональной окрашенности прозвищ-присловий, возникающей в процессе их возникновения, распространения и бытования.

3. Появление новых прозвищ-присловий обусловлено фольклорной прозвищной традицией, возникшей на основе неосознанной творческой активности масс, обладающих поэтическим даром выделения типического из бесконечного ряда предметов, явлений, людей и умения зафиксировать это в ярком и образном слове или выражении.

4. Некоторые прозвища-присловья являются вторичными образованиями, возникающими на основе рассказов, анекдотов, преданий.

5. По эстетическим признакам можно выделить, на наш взгляд, три основные функции прозвищ-присловий:

- а) функция возвеличения, идеализации;
- б) «смеховая» функция (добродушный, ироничный, уничижительный и саркастический смех);
- в) утверждающая (констатирующая) функция, которая включает в себя все предыдущие (прямое утверждение, утверждение через отрицание).

В. П. ВОРОШИЛОВА
Свердловская областная станция юных туристов

О методике фольклорной собирательской работы с учащимися средних школ

Проблема сохранности и передачи национальных традиций, встающая в наши дни особенно остро, в значительной мере решается привлечением к устному народному творчеству подрастающего поколения — советских школьников. Значение работы школьников с фольклором трудно переоценить. Фольклор — арсенал и средство воспитания юных. Народные песни, предания, сказки, пословицы и поговорки приобщают их к живой истории народа, к «чаяниям и ожиданиям народным» (В. И. Ленин). В работе с фольклором и его носителями у ребят испод-